

Глава 15

Уорсли назвал это место Перевалочным лагерем, но такое название не слишком ему подходило, так как означало, что он временный, и скоро снова придется двигаться в путь. Но никто не верил, что это возможно.

После пяти дней изнуряющих усилий оказалось, что все напрасно. Сейчас людям оставалось только размышлять. И на это у них была масса времени.

Многие, казалось, впервые осознали безнадежность своего положения. Точнее, поняли, что абсолютно беспомощны. До ухода из Океанского лагеря Шеклтон упорно возвращал в сознании каждого из них веру в самих себя и успех экспедиции: они поверили, что смогут, если нужно, с помощью силы и решительности преодолеть любые преграды.

Но затем они отправились в путь, который должен был увести их почти на двести миль вперед. Однако после пяти дней и каких-то жалких девяти миль по прямой на северо-запад пришлось полностью остановиться и даже начать отступать. Буря с легкостью могла перенести их на это расстояние всего за двадцать четыре часа. И вот они сидели в «Марк-Тайм», разочарованные и покорно осознающие свою ничтожность в сравнении с теми силами, которым бросили вызов. Результат казался предрешенным, сколько бы усилий они ни прикладывали, какую бы решимость ни демонстрировали. И осознание этого было не столько унижительным, сколько пугающим.

Их конечной целью все еще оставалось спасение, но сейчас это были лишь пустые слова. Они не спасутся. Разве что лед будет милостив к ним и позволит выбраться. Но пока люди бессильны; у них нет никакой цели, никакого объекта, к которому можно было бы стремиться. Впереди — сплошная неуверенность и неопределенность. Их положение сейчас хуже, чем когда-либо. К тому же в старом лагере пришлось оставить большой запас провизии вместе с одной шлюпкой. Льдина, на которой они находились сейчас, была довольно прочной, но разве могла она сравниться с гигантской ледяной плитой, приютившей их Океанский лагерь?

«Для нас наступают тяжелые времена, — писал Маклин в новогоднюю ночь, — ведь сейчас нет никаких признаков того, что льды раскроются,

а наши шлюпки пройдут по такой снежной каше, усеянной обломками льда. Если мы не уйдем отсюда в ближайшее время, наше положение станет очень серьезным. Придется рассчитывать на то, чтобы осенью добраться на санях до острова Паулет, где мы сможем найти еду для собак и хорошую пищу для нас самих. Но что, если склад на Паулете подведет нас? На зиму тюлени исчезнут, и, возможно, нам придется пройти через те же испытания, что и Грили*».

Многие искренне старались не падать духом, но безуспешно. Радоваться было нечему. Для образования прочного льда температура была слишком высокой, поэтому в течение дня поверхность льда превращалась в болото. Приходилось пробираться по колено в топкой снежной слякоти, люди то и дело по пояс проваливались в неожиданно образующиеся лунки. Одежда постоянно была мокрой. Относительно комфортно становилось лишь ночью, когда они залезали во влажные спальные мешки — неприятно, но терпимо.

Провизия тоже была на исходе. Запасов продовольствия оставалось лишь на пятьдесят дней полноценного питания по два фунта на человека, и времена, когда они считали такое количество еды достаточным, чтобы выбраться из льдов, остались в далеком прошлом. Они могли бы рассчитывать на удачную охоту, но, к сожалению, тюлени и пингвины здесь почти не попадались, чего путешественники никак не ожидали от этого времени года. Однако 1 января наступивший год вдруг принес долгожданную удачу: удалось убить и перенести в лагерь пять крабоядных тюленей и одного императорского пингвина.

Однажды Орд-Лис, возвращаясь с охоты, пробирался на лыжах по тающему льду и уже почти достиг лагеря, как вдруг прямо перед ним взметнулся столб воды, как от взрыва, и вслед за этим из полыньи поднялась большая шарообразная голова. Орд-Лис в ужасе бросился прочь, крича Уайлду, чтобы тот поскорее нес свое ружье.

Животное, морской леопард, выпрыгнуло из воды и погналось за ним. Его перемещение по зыбкой поверхности льда напоминало движение лошади-качалки. А сам зверь был похож на небольшого динозавра с длинной змеиной шеей.

После шести мощных прыжков морской леопард почти догнал Орд-Лиса, но вдруг по непонятной причине покатился по льду и плюхнулся обратно

---

* Американский исследователь Адольфус Грили провел 1881–1884 годы в Арктике. Спасательный корабль не смог до них доплыть, и семнадцать из двадцати четырех членов команды погибли от голода.

в воду. К этому времени Орд-Лис почти добрался до противоположного края льдины; он уже был готов перейти на безопасный лед, но вдруг прямо перед ним из воды, как пробка, снова выскочила голова морского леопарда. Животное сквозь лед по тени проследило его путь. Оно сделало резкий прыжок в сторону Орд-Лиса, раскрыв пасть и демонстрируя бедняге огромный ряд пилообразных зубов. Крики Орд-Лиса перешли в отчаянные вопли, он развернулся и помчался прочь от нападавшего монстра.

Животное снова выпрыгнуло из воды как раз в тот момент, когда появился Уайлд со своим ружьем. Морской леопард заметил Уайлда и решил напасть на него. Между тем Уайлд опустился на одно колено и хладнокровно начал стрелять в надвигавшегося зверя. Убить его удалось только тогда, когда он уже был в каких-то тридцати футах от Уайлда.

В лагерь тушу пришлось везти на двух собачьих упряжках. Более двенадцати футов в длину, около тысячи ста фунтов живого веса. Этот вид хищных тюленей походил на леопарда только пятнистой шкурой и поведением. При его разделке в желудке нашли комья шерсти диаметром по два—три дюйма — все, что осталось от съеденных им крабоядных тюленей. Челюстную кость морского леопарда размером почти девять дюймов подарили Орд-Лису как сувенир в память об их встрече.

Тем же вечером Уорсли сделал в своем дневнике такую запись: «Невооруженному человеку без лыж в мягком глубоком снегу не выжить при встрече с этим животным, потому что оно двигается размашистыми скачкообразными движениями со скоростью по меньшей мере пять миль в час. Эти существа нападают без повода, видя в человеке пингвина или тюленя».

Охота продолжилась и на следующий день, несмотря на то что поверхность льда была топкой из-за теплой и сырой погоды. Удалось убить и доставить в лагерь четырех крабоядных тюленей. Пока их разделявали, Орд-Лис на лыжах вернулся к лагерю и доложил, что нашел и убил еще троих. Но Шеклтон заявил, что у них уже есть запас мяса на месяц вперед, и приказал оставить туши там, где они лежали.

Многие не поняли такого решения. Гринстрит писал, что считает данный поступок «довольно глупым... так как предыдущие расчеты вплоть до настоящего времени не оправдывались, и лучше всего было бы готовиться зимовать здесь».

Гринстрит был прав. Как и большинство других, он считал, что запастись как можно большим количеством мяса очень благоразумно, так думал бы и любой другой простой человек. Но Шеклтон не был простым человеком. Он свято верил в свою непобедимость, а поражение воспринимал как признание собственной беспомощности. И то, в чем другие видели разумную

предосторожность, Шеклтон считал позорным допущением возможного поражения.

Его упрямая самоуверенность напоминала оптимизм. И у этой черты характера было две стороны: прежде всего, силой убежденности он зажигал пламя в сердцах людей; как сказал Маклин, просто находиться рядом с ним уже было стоящим опытом. Вот что делало Шеклтона таким прекрасным лидером. При этом поразительный эгоизм, рождавший в нем такую огромную самоуверенность, порой ослеплял его, не позволяя смотреть правде в глаза. Ожидая от других столь же безграничного оптимизма, он даже раздражался, если его не возникало. Шеклтон чувствовал, что подобное отношение провоцировало сомнения в нем как в лидере, способном заботиться об их безопасности.

Несмотря на то что предложение доставить в лагерь еще трех тюленей было абсолютно безобидным, Шеклтон воспринял его как акт неверности. В другое время он наверняка отнесся бы к этому иначе. Но сейчас он стал гиперчувствителен. Почти все, за что он принимался: экспедиция, спасение «Эндыюранс», две попытки перейти в безопасное место, — заканчивалось провалом. В довершение всего жизни двадцати семи человек были в его руках. «Я очень устал, — написал он однажды. — Наверное, это постоянная нагрузка». Затем чуть позже добавил: «Мне очень нужен отдых, чтобы я мог ни о чем не думать».

Следующие несколько дней тоже не дали повода для оптимизма. Погода продолжала портиться, что уже казалось просто невозможным. Днем температура поднималась до тридцати семи градусов, часто шел мокрый снег с дождем; «обычный шотландский туман» — называл такую погоду Уорсли. Люди почти ничего не делали, только сидели в палатках, пытаясь уснуть, играли в карты или просто думали о еде.

Маклин писал: «Появилась чайка-поморник. Она подлетела к нашей помойной яме с внутренностями тюленей и прочими отходами и наелась до отвала — счастливая чайка».

Джеймс в палатке Шеклтона «попытался заняться физикой, вспоминая о своих прошлых теоретических работах», но вскоре ему это наскучило. Обитатели палатки Уайлда занимались перетаскиванием с места на место своих спальных мешков, поскольку от тепла тел снег таял, лишая единственного блага — сухого места для сна. Некоторые даже потеряли интерес к банджо Хасси. Макниш жаловался: «Сейчас Хасси мучает нас своими шестью известными ему мелодиями для банджо».

А 9 января Шеклтон написал: «Я беспокоюсь обо всей своей команде». И на то имелись причины. Почти целый месяц не было ветров сильнее

бриза, и даже они дули в основном с севера. За прошедшую неделю удалось добыть лишь двух тюленей. Таким образом, люди почти не двигались с места, а запасы мяса неумолимо заканчивались. Убежденность Шеклтона, что его хватит на целый месяц, оказалась беспочвенной. После десяти дней, проведенных в лагере «Марк-Тайм», начало сказываться постоянное напряжение. Гринстрит писал: «Монотонность жизни действует нам на нервы. Нечего делать, некуда идти, никаких перемен в окружающем нас мире, никакой еды или вообще чего-либо. Боже, пошли нам поскорее открытую воду, иначе мы сойдем с ума».

Затем, 13 января по лагерю прошел слух о том, что Шеклтон хочет убить собак, чтобы компенсировать недостаток мяса. Люди отреагировали по-разному: одни покорно согласились, другие пришли в шок и ярость. Тем вечером во всех палатках велись жаркие споры о ценности собак и потребности в питании. Основная мысль этих дискуссий заключалась в том, что собаки были чем-то большим, нежели просто тягловая сила или определенное количество фунтов живого веса; сказались глубоко спрятанные эмоции и привязанность. Для людей, заброшенных судьбой в это пустынное место, одной из основных потребностей стала любовь. Несмотря на то что собаки друг с другом бывали грубы и даже злы, никто не сомневался в их преданности и верности людям. И они отвечали им искренней любовью, которая была значительно сильнее чувств, испытываемых суровыми путешественниками в обычных обстоятельствах.

При мысли о потере Граса — щенка, родившегося год назад на «Эндьюранс», — Маклин с болью писал: «Он прекрасный песик, работающий и с добрым нравом. Кроме того, я был с ним с самого его рождения, кормил и тренировал его. Помню, как он маленьким щеночком сидел в моем кармане, откуда торчал только нос, покрытый инеем. Я брал его с собой, когда управлял упряжкой, и с самых первых дней он проявлял большой интерес к тому, чем занимаются другие собаки».

В любых других условиях это были бы просто плохие новости. Но сейчас многие восприняли приказ чуть ли не как катастрофу. Их обида была огромной. Некоторые, например Гринстрит, обвиняли во всем Шеклтона, причем небеспочвенно. Гринстрит писал: «...нынешнее состояние наших припасов стало таким только из-за запрета Босса добыть тюленей, когда это было возможно, а также из-за отказа просто пойти и забрать зверей, убитых Орд-Лисом... Его незыблемый оптимизм на протяжении всего этого времени кажется мне непроходимой глупостью. Он постоянно считает, что ситуация наладится, не обращая внимания на то, что все может пойти совершенно иначе, и вот сейчас мы в тупике».

Следующим утром Шеклтон вообще не упоминал об убийстве собак. Вместо этого он приказал переместить лагерь, потому что их льдина таяла с опасной быстротой. Вся поверхность была покрыта следами сажи от жировой печи и притягивала солнечное тепло. В полдень начали строить дорожку из ледяных блоков, чтобы перейти по разводью на льдину, находившуюся в ста пятидесяти ярдах к юго-востоку от них. Передвижение закончили днем. Новое место назвали лагерем Терпения.

После этого Шеклтон спокойным ровным голосом приказал Уайлду перестрелять всех своих собак вместе с собаками Макелроя, Мэрстона и Крина.

Не было ни споров, ни протестов. Четверо хозяев покорно запрягли собак и отвели на четверть мили от лагеря. Вернулись в лагерь они уже одни, все, кроме Макелроя, который вместе с Маклином должен был помогать Уайлду.

Каждую собаку по очереди распрягали и отводили за гряды высоких ледяных холмов. Там Уайлд сажал животное на снег, держа намордник в левой руке, и приставлял дуло револьвера к его голове. Смерть была мгновенной.

После этого Маклин и Макелрой оттаскивали собаку на небольшое расстояние, и возвращались к упряжкам за следующим псом. Казалось, никто из собак не понимал, что происходит. Каждая, ничего не подозревая и виляя хвостом, доверчиво шла на смерть. Когда работа была закончена, три человека засыпали гору собачьих тел снегом и медленно вернулись в лагерь.

Шеклтон решил «пока» сохранить годовалых щенков Гринстрита и на день отложил убийство собак Херли и Маклина, чтобы съездить на них в Океанский лагерь за остатками продовольствия.

Запрягли две упряжки, и в половине седьмого вечера Херли с Маклином двинулись в путь. Это была очень утомительная поездка, длившаяся почти десять часов, потому что им в основном приходилось двигаться по глубокому мягкому снегу, смешанному со сломанным льдом. Собаки то и дело проваливались по живот в вязкую кашу.

Как позже писал Маклин: «Идти было настолько тяжело, что они не могли вынести мой собственный вес, и мне пришлось слезть и тащиться за саними. Собаки тоже теряли темп, и когда один из псов падал, вся упряжка останавливалась. Один раз они все просто легли, и поднять их можно было только с помощью ударов и жестокого обращения — больше ничего не действовало. По дороге пришлось киркой и лопатой ломать несколько ледяных гребней. Наконец с измученными до предела собаками в четыре часа утра нам удалось добраться до Океанского лагеря».

Часть III

Место, где он располагался, было почти полностью затоплено. Чтобы добраться до камбуза, в котором хранились припасы, им пришлось построить мост из досок. С большими трудностями все-таки удалось вытащить продукты и загрузить доверху две упряжки — в каждую по пятьсот фунтов разных продуктов: консервированных овощей, тапиоки, пеммикана для собак и варенья. Они приготовили себе консервированное рагу, накормили собак, и в половине седьмого утра отправились назад.

Обратный путь проделали значительно легче, потому что ехали по своим же следам. Собаки прекрасно шли, только старый Боцман, главный в упряжке Маклина, был настолько вымотан, что его несколько раз тошнило и он еле держался на ногах. Обе упряжки добрались до лагеря Терпения к часу следующего дня. По словам Маклина, собаки тут же «упали в снег, многие из них были даже не в силах съесть свою еду».

Лежа той ночью в спальном мешке, уставший Маклин нашел в себе силы описать их поездку. В конце дрогнувшей рукой он добавил: «Завтра моих собак застрелят».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

